

*Отцу посвящается
В своих снах я вижу, как его лодка плывет
через реку из этого мира в другой.*

Список иллюстраций

- 1.1. Доаб Ганг — Ямуна.
- 1.2. Канал Ямуна в окрестностях Мератха, с солдатами и фортификациями.
- 1.3. Карта каналов к западу от Ямуны.
- 1.4. Карта мифической Сарасвати Ч. Ф. Олдхэма.
- 1.5. Монеты из Бехата.
- 1.6. Окаменелости Ямуны.
- 2.1. Карта острова Перим в Камбейском заливе.
- 2.2. Карта древних аллювиев Индии, составленная Фальконером.
- 3.1. Аватар кабана.
- 3.2. Гималайские окаменелости Александра Джерарда, упомянутые Хербертом.
- 3.3. Отто Фалькенбах за работой над гигантской окаменелой черепахой.
- 3.4. Барнум Браун со своей окаменелой черепахой.
- 4.1 Поперечный разрез могильника и погребальной камеры с человеческими костями и черепами.
- 4.2. Эскиз «черепа из Дживурги» Мидоуза Тейлора.
- 4.3. Туземец, сидящий на доисторических могильных камнях.
- 4.4. Латеритовая формация Декана и места находок каменных орудий.
- 5.1. Изображение сухопутных перешейков Гондваналенда, сделанное в начале XX века.
- 5.2. Гонды центральной Индии.

Благодарности

Я благодарен фонду Леверхалма¹ за щедрое финансирование проекта «Древняя земля: геология, филология и становление Индийского субконтинента, 1830–1920», который я возглавлял в Кентском и в Манчестерском университетах. Это позволило мне и моему коллеге, научному сотруднику Джойдипу Сену, провести архивные исследования и стать соавторами одной из статей проекта. Огромную пользу этому проекту принесло усердие Джойдипа, его проницательные соображения и активное интеллектуальное участие. Я получил большое удовольствие от наших дискуссий об окаменелостях, священной географии, мифемах² — и, разумеется, о спорте. Мне также выпала удача работать над этим проектом с моим аспирантом Камом Шарпом Джонсом.

Для создания книги необходимы совместные усилия ученых и друзей. Я глубоко обязан тем, кто разными способами помогал мне, часто не спрашивая и каждый раз, когда это было мне нужно. В частности, мне хотелось бы поблагодарить Санжиту Дасгупту, Падманабха Самарендру и Гаураб Датту за верную дружбу. Я ценю вашу безусловную преданность делу и непоколебимую поддержку, особенно при работе над этой книгой.

Я благодарен Саре Ирвинг, Солу Дубову, Анинидите Гош, Владимиру Янковичу и Иену Барни (моим коллегам из CHSTM), Проджи-

¹ Фонд Леверхалма был основан Уильямом Левером, первым виконтом Леверхалма (1851–1925), для поддержки научных исследований. — *Прим. пер.*

² В структурных исследованиях мифологии мифема представляет собой основополагающую единицу нарративной структуры построения мифа, общую для родственных тем. — *Прим. пер.*

ту Мукарджи, Сунилу Кумару, Линде Андерсон Барнетт, Санджукте Дас Гупте, Кавите Шиварамакришнан и Грэму Муни за ценные предложения о содержании и плане книги. Особая благодарность Симоне Боскани Леони за приглашение на замечательный семинар («Картографирование территории: изучение людей и природы, 1700–1830» в Центре глобальных исследований Бернского университета в 2017 году). Это дало мне возможность представить статью о канале Забита Хан на рабочем этапе, и дискуссии вокруг нее значительно помогли мне при составлении первой главы. Фрагменты исследований в рамках этого проекта были опубликованы в статьях для «Modern Asian Studies» и «Past & Present».

Несколько раз я обращался к Мику Уорбойсу, Ниладри Бхаттачаряе и Элисон Башфорд за советом и предложениями; они щедро поделились со мной своим временем и помощью. Я благодарен Шиви (К. Шиварамакширан) за приглашение в центр Макмиллана при Йельском университете для презентации моей статьи и проведения исследований в архивах университета.

Сотрудники библиотеки Манчестерского университета, Шотландской национальной библиотеки, Британской библиотеки, Национального армейского музея и Американского музея естественной истории были чрезвычайно любезны в предоставлении копий для нескольких иллюстраций и разрешении использовать их в данной книге. Сьюзен и Билл Пепп помогли мне с одной из фотографий. Также хочется поблагодарить Мэтта Макадама из университета Джонса Хопкинса за его веру в эту книгу. Джулиана Маккарти, Уильям Каузе и Хилари Б. Джекмин обеспечили беспрепятственный процесс издательской подготовки. Кропотливая и компетентная редактура Кэрри Уотерсона чрезвычайно улучшила текст. И наконец, я благодарен своим коллегам из CHSTM в Манчестере, пригласившим меня в это учреждение. Было необыкновенно приятно работать вместе с соратниками, блестящими специалистами в своих научных дисциплинах, искренне заинтересованными в работе коллег и поддерживающими их начинания.

Во многих отношениях эта книга вернула меня к истокам моего интеллектуального странствия. Здесь я написал о единственном

городе, который знал как свой дом: о пробуждающем разнообразных чувства и воспоминания, многослойном и запутанном городе Дели, определившем мои исторические устремления. Наравне с этим мне хочется признать роль моей альма-матер, университета Джавахарлала Неру, в формировании творческой и критической стороны моего интеллекта.

Там же, в университете Джавахарлала Неру в Дели, я познакомился с Нандини, которая с тех пор оставалась постоянным источником мужества и убежденности в моей жизни. Ее любовь, пронизательность и терпение позволяют мне продолжать мою жизнь в науке. Я обязан ей этой книгой.

Я благодарен сестре за ее силу духа в трагические времена и моей матери, всегда позволявшей нам следовать нашим мечтам и устремлениям.

Я дописывал эту книгу, когда мой отец скоропостижно скончался. Я ощущаю его любовь и ежедневно тоскую о нем. Написанных мною слов никогда не будет достаточно для выражения того, что осталось невысказанным между нами. Я постарался следовать его примеру в упорной работе, щедрости, сострадании и добросовестности в моей собственной жизни и работе. Ему я посвящаю свою книгу.

Введение

Безграничное прошлое

Подлинные чудеса земли находятся под ее поверхностью.

Географический справочник центральных провинций Индии, 1870 год

В XIX веке геологи, археологи, востоковеды, инженеры и градостроители начали проникать в глубину земли, как никогда раньше. Землекопные работы проводились для улучшения санитарных условий, развития транспортной сети, орошения, добычи полезных ископаемых и археологических целей. Геология выступала как основная тема этого внутреннего контакта с землей. Таким образом, она дает представление о формировании земных структур, добыче природных ресурсов и создании национальной топографии. Она также знакомит нас с древней историей. Геологическое представление об Индии, о ее людях и ландшафтах, о ее прошлом и будущем предназначении является побудительным мотивом к созданию этой книги. Но геологи были не одиноки в своих изысканиях земных ресурсов и памятников древности, и геология не являлась единственной дисциплиной. Иногда землекопные работы для прокладки наземных систем водопровода и канализации вскрывали захоронения человеческих останков, раскопки древних городов приводили к находке доисторических окаменелостей, а обустройство русел для каналов раскрывало глубоко погребенные поселения. Помимо земляных работ, этнологи, археологи и миссионеры также изучали древние тексты и генеалогии, углубляясь в жизнь и быт коренных народов, в их мифы и легенды о прошлом. Одни изыскания перекрывались

другими в этом непрерывном контакте с землей и ее обитателями между прошлым, настоящим и будущим.

В этом многослойном восприятии древности несколько представлений (и научных дисциплин), связанных с древностью, существовали бок о бок и взаимно дополняли друг друга. Хью Фальконер, один из видных геологов XIX века, считал окаменелости «письменами и монументами, оставленными природой»¹. Двойная метафора Фальконера указывает на одновременное изучение древности в природных и культурных ландшафтах. Такая двойственность реальных и метафорических раскопок ассимилировала прошлое, неизгладимо *вписывая* исследования XIX века и представления о древности в глубинную историю природы, ландшафта и людей.

Для прояснения термина «ассимиляция» в контексте этой книги рассмотрим разницу между понятиями «исторический» и «геологический», возникшую в XIX веке. В 1830-х годах на основании палеонтологических находок человеческих останков французский энциклопедист Поль Турнель предложил, чтобы термин «исторический» использовался только для периода письменной истории человечества, для отличия от геологического периода, который он назвал *antéhistorique* и который включал в себя историю человечества до появления дешифруемой письменности и геологическую историю². Если исторический период можно было изучать с помощью традиционных средств, таких как тексты, надписи и нумизматика, то, по утверждению Турнеля, геологические и палеонтологические свидетельства

¹ [Falconer 1846: 107]. Такие утверждения не были беспрецедентными, особенно в более раннее время. Французский натуралист Жорж Кювье полагал, что окаменелости следует читать, как исторические документы. См. [Rudwick 1997: 182–183]. В отличие от Фальконера, Кювье главным образом принадлежал к эпохе до зарождения палеонтологии, когда коллекционирование древностей и геология были теснее связаны друг с другом, поэтому историческая аналогия в его время была более актуальной. В данной книге мы изучаем мотивы и следствия таких совместных методов исследования древности для понимания доисторического периода.

² [Rudwick 2008: 410–411]. Дональд Келли писал о долгой исторической траектории возникновения доисторического периода в [Kelly 2003: 17–36].

имели решающее значение для изучения *antéhistorique* — периода, который впоследствии стал называться «доисторическим» на английском языке³. Таким образом, доисторическая эпоха определялась природой; эту форму древности можно было проследить лишь по геологическим слоям, окаменелостям и кремневым орудиям. Различие между историческим и геологическим (или природным), проведенное Турнелем, сохранилось на эпистемологическом уровне в изучении глубинной истории. В этой книге «ассимиляция» подразумевает глубинную историю природы, которая стала широко распространенной категорией представления о древности как для геологического, так и для исторического периода.

Хотя в этой книге я пользуюсь традиционными определениями, такими как историческое и геологическое (природное), но также акцентирую внимание на ключевом взаимодействии между ними в XIX веке. Я показываю, что в полевой геологической работе, этнографических исследованиях и изучении мифологии историческое пересекалось с доисторическим. Этнографы пользовались геологическими материалами для изучения племен того времени и для изучения племенной мифологии, в то время как геологи ссылались на письменные тексты или устные традиции для изучения доисторических окаменелостей и скальных формаций. Основа моей аргументации опирается на изучение этого взаимодействия: природное обрамление, с его скрытой исторической матрицей, сформировало основу для представления об истории как таковой.

Я изучаю сочетание природы и истории в сооружении канала Ямуна (Доаб)⁴ в начале XIX века. Землекопные работы вскрыли систему древних каналов, пропавших речных русел, следы ми-

³ Термин «доисторический период» на английском языке, вероятно, впервые появился в книге Дэниэла Уилсона [Wilson D. 1862].

⁴ Доаб — в данном случае аллювиальная равнина между Гангом и Ямуной на западе и эго-западе штата Уттар-Прадеш. Ее площадь составляет примерно 60 500 км². В общем смысле это участок земли между слиянием двух рек в регионе Пенджаба; при употреблении названий рек пишется со строчной буквы. — *Прим. пер.*

фологических рек и доисторические окаменелости, послужившие вдохновением для основополагающих представлений об индийской древности, доисторической географии и эволюции племен индийского субконтинента. Физические раскопки дополнялись изучением местных мифов, исторических текстов и этнологических отчетов. Исторические древности в окрестности средневековой системы каналов и другие археологические находки в регионе Доаба сопровождались многочисленными геологическими открытиями. Соответственно, равнина в междуречье Инда и Ганга предстала основой древнеиндийской цивилизации.

Я также рассматриваю густые леса, холмы и ущелья центральной Индии, где этнологические исследования местных племен и геологические исследования некоторых древнейших скальных формаций индийского субконтинента одновременно создавали представления о туземной индийской культуре и о доисторической эпохе. В то же время природные ресурсы центральной Индии обеспечили для колониального государства жизненно важное богатство в виде угля и хлопка, часто добываемых трудами местных племен. Через геологическую, антропологическую и общественную историю центральной Индии я определяю колониальное присвоение глубинных древностей страны как ассимиляцию человеческой эволюции, мифологической географии, арианства и племенных обычаев в новую конструкцию колониальной культуры.

Две главные цели определяют содержание этой книги. Первая из них — это понимание того, как вдоль берегов Ганга и Ямуны, среди гималайских хребтов, в глубоких ущельях и лесах центральной Индии и в ореоле связанных с ними мифов и легенд человеческое воображение проникалось глубинной историей природы. Вторая цель — показать, что из-за слияния представлений об исторических и доисторических процессах изучение индийских древностей зачастую не ограничивалось отдельными научными дисциплинами.

Природа с античных времен была частью представления об истории. Жан Боден и Монтескье считали человеческие общества погруженными в природную среду и хотели согласовать обще-

ственные законы с природными⁵. В Индии чувственное восприятие архитекторов и хранителей древности до наступления эпохи модерна тоже было часто пронизано впечатлениями о природе⁶. Расовые представления возникали из коллективных размышлений о природе, климате и окружающей среде начиная с XVI века. Однако эти ассоциации между природой и древней историей проводились без интенсивных контактов с землей и ее обитателями, происходивших в XIX веке. Практический опыт этого периода привел к особому, глубоко прочувствованному и детерминистскому согласованию представлений о природе и истории, которое определило натуралистическое мировоззрение.

Это мировоззрение становится очевидным в некоторых выдающихся научных трудах, связывавших человеческую историю с природой. Одним из лучших образцов является геоисторическое описание Средиземноморья в изложении Фернана Броделя, помещавшего *геологическую историю* гор, пустынь и морей в основу истории человечества⁷. Более позднее толкование содержится в исследовании Сунила Амрита о миграции народов в огромном регионе муссонной Азии с историями отдельных людей, чья жизнь определялась климатическими закономерностями Бенгальского залива. Амрит принимает точку зрения Броделя на геоисторическую обстановку как основу, на которой происходило общественное и культурное развитие. В то время как Бродель считал, что «горы стоят на первом месте», Амрит поясняет, что

⁵ Монтескье объяснял историческую эволюцию законов, ссылаясь на обстоятельства окружающей среды и на «климат» [De Secondat 1752/2001]. О Бодене см. [Blair 2017].

⁶ См. главу Ананда Вивека Танеджи [Taneja 2013] в его диссертации «Nature, History, and the Sacred in the Medieval Ruins of Delhi» («Природа, история и священное в средневековых руинах Дели»). Также см. [Das 2012; Koch 2000].

⁷ Фернан Бродель впервые употребил термин «геоистория» в своей статье 1941 года «Géohistoire: La société, l'espace et le temps» («Геоистория: общество, пространство и время»), перепечатанной в [Braudel et al. 1997: 68–114]. Более полное изложение этой идеи содержится в первом томе его книги о Средиземноморье [Braudel 1973]. Анализ происхождения геоистории Броделя (на французском) см. в [Ribeiro 2012; Knight 1950].

«муссоны поддерживают жизнь в Бенгальском заливе»⁸. В том же духе Уильям Бейнарт продемонстрировал, что регион Кару устанавливает «ритмы жизни» в южноафриканском велде⁹. Читан Сингх утверждает, что экология западных Гималаев «управляет жизнью людей» в этой местности¹⁰.

История окружающей среды является отдельной дисциплиной, появившейся в XX веке. Чарльз Пергамени был первым, кто формально определил «историческую географию» как изучение социальной географии человеческого общества в 1940-х годах¹¹. Как показано в данной книге, сама концепция «окружающей среды» как чего-то отдельного от концепции природы стала развиваться после Второй мировой войны в период осознания упадка среды обитания, с особенной ясностью описанного в работе «Путь к выживанию» Уильяма Вогта, опубликованной в 1948 году¹². Однако история окружающей среды, как и историческая география, опиралась на концепцию глубинной истории природы, возникшую в XIX веке. Их объединяло натуралистическое мировоззрение как неотъемлемый способ понимания долгосрочных человеческих взаимоотношений с окружающей средой, постепенным экологическим упадком и методами восстановления более равноправной взаимосвязи между природой и человечеством¹³. Дональд Уорстер исследовал зарождение современной экологической философии в интеллектуальных традициях Запада через несовместимые взгляды на природу со стороны романтизма, индустриализма и механизации¹⁴. Он считает романтический подход к природе экологически целостным по сравнению с современной эксплуатацией природных ресурсов,

⁸ [Amrith 2013: 12].

⁹ [Beinart 2003: 39].

¹⁰ [Singh 1998: 175].

¹¹ Подробное исследование аспектов различных связей между географией и историей см. у [Ogborn 1997].

¹² [Warde et al. 2018].

¹³ [Myllyntaus, Saikku 1999].

¹⁴ [Worster 1977].

создавших, к примеру, «пылевую чашу» на южных равнинах Соединенных Штатов¹⁵. Саймон Шама продемонстрировал, что история трех основных элементов природной среды — камня, воды и дерева — запечатлена в человеческой культуре, ее коллективной памяти и легендах, которые тоже сохраняют следы истории природы. Он показывает разрушительное влияние человеческой деятельности на природную среду. К примеру, первозданная Беловежская пуца, распространявшаяся на Центральную и Восточную Европу, была практически уничтожена сначала арийским пуританством нацистской Германии, а потом государственной лесной политикой Советского Союза¹⁶. Шама и Уорстер рассматривают природу с точки зрения ее девственности и романтизма, особенно в ее первозданном глубинном состоянии.

Это захватывающие и наглядные повествования. Они выглядят особенно убедительными, *поскольку* соединяют человеческую историю с природным окружением, так что прошлое становится более очевидным и надежным. Натуралистические воззрения, которые лежат в основе сочинений Шама, Броделя, Амрита и Уорстера, уходят корнями в изучение «глубинного времени»¹⁷ XIX века¹⁸. Эти ассоциации также легли в основу будущих исторических сочинений. Участники недавней дискуссии за

¹⁵ [Worster 1980].

¹⁶ [Schama 1995: 37–74].

¹⁷ «Глубинное время» (deep time) — концепция геологического времени, исходящая из чрезвычайно медленного характера протекания геологических процессов и большой древности Земли, разработанная в XVIII веке шотландским геологом Джеймсом Хаттоном (1726–1797). — *Прим. пер.*

¹⁸ Здесь термин «натурализм» используется в ином смысле, чем у Роя Бхаскара, предполагавшего связи между естественными и общественными науками, или у Бернарда Лайтмана и других при упоминании о викторианском научном натурализме. Здесь это не означает приверженность реализму в понимании общества или, в данном случае, прошлого. Также это не делает акцент на антиклерикализме викторианских «научных натуралистов», хотя элементы того и другого неизменно присутствуют в аналитическом рассмотрении. См. [Bhaskar 1979; Dawson, Lightman 2014]. Термин «натурализм» в данном контексте имеет такой же смысл, с которого мы начинали эту дискуссию: глубинная история природы, которая легла в основу представления об истории. — *Прим. пер.*

круглым столом на тему истории и биологии постановили, что «история человечества и “естественная” история тесно переплетены друг с другом. Одно нельзя понять без другого»¹⁹. Это подразумевало, что историки, например, могут включать в свои аналитические исследования биологические инструменты вроде эпигенеза. Вместе с тем такое концептуальное позиционирование исключает возможность рассмотрения природы как предмета человеческих устремлений; миграции и места человеческого обитания в Средиземноморье, регионе Кару или Бенгальском заливе были не просто морями, горами и пустынями, но представлениями об этих природных сферах и их границах. Сказанное подразумевает не взгляд на природу как на культурную конструкцию, а соображение о природе геоисторического мышления.

В центре этого повествования находится европейское открытие глубинного времени. Находки растительных, животных и человеческих окаменелостей, а также кремневых орудий вывели исследование истории природной и человеческой древности за рамки текстологического анализа или религиозных традиций. Мартин Радвик в своем грандиозном труде проследил истоки европейской концепции глубинной истории начиная с XVIII века. Радвик показывает, что европейские ученые мужи, такие как Орас Бенедикт де Соссюр, Жорж Кювье, Уильям Гамильтон и Чарльз Лайель, черпали идеи о глубинном прошлом из антикварных источников XVIII века. В XIX веке геология обеспечила новую парадигму для современного понимания времени²⁰.

В этой книге обозначены три отправные точки от позиции Радвика и от общего описания истории европейской геологии. Во-первых, в ней прослеживается открытие глубинного времени в колониальной истории, которая приобретала сложные формы в Индии, Австралии и Южной Африке при взаимодействии с колониальным изучением древностей, востоковедением, эксплуатацией природных ресурсов и изучением аборигенной и племенной мифологии. Глубинное время и глубинная история являются важными темами при изучении взаимоотношений

¹⁹ Введение в «History Meets Biology», 1492.

²⁰ [Rudwick 2005].

между колониализмом, природой и древним прошлым человечества²¹. В Австралии концепция глубинного времени стала особенно важной темой при описании взаимоотношений аборигенов с австралийским ландшафтом²². В этой литературе историки, археологи и антропологи совмещали европейское геологическое представление о глубинном времени с представлениями аборигенов о природе времени²³. В Индии не появилось сходных исторических сочинений о глубинном времени. Пратхама Банерджи изучил разные концепции времени, существовавшие в колониальном понимании индийского примитивизма²⁴. Томас Тротман указал на конфликт между европейскими и индийскими (полученными в основном из индуистских и санскритских текстов) представлениями о времени и описал слияние этих представлений в XVIII и начале XIX века²⁵. Он также изучил одновременное по времени появление концепции глубинного прошлого и наступление индийской современности²⁶. В обоих случаях он работал с «историческим» глубинным прошлым начиная с возникновения цивилизации в долине Инда и не касался представлений о доисторическом или геологическом времени. Мое исследование взаимодействия между колониализмом, изучением древностей и доисторическим периодом Индии предназначено для закрытия этого пробела.

²¹ В соответствующих главах книги подробно обсуждается релевантная литература. Из нескольких работ за последние годы [Shryock, Smail 2011] является наиболее исчерпывающей попыткой воспользоваться глубинным прошлым как глобальной исторической методологией. Джеймс К. Скотт в своем недавнем сочинении [Scott 2017] определил возникновение государственности в глубокой истории как человеческий контроль и монополию над природными и людскими ресурсами.

²² [McGrath, Jebb 2015].

²³ См. [Robin 2011; Byrne 1996; Griffiths T. 2019]. Элисон Башфорд показала, что австралийские историки особенно искусны в философской трактовке глубинного времени, в [Bashford 2013].

²⁴ [Banerjee 2006].

²⁵ [Trautmann 1995].

²⁶ [Trautmann 2011].

Во-вторых, Радвик объясняет европейское открытие глубинного геологического времени, но не его внедрение в исторические представления как таковые. В этом отношении работа Радвика ограничена геологическим описанием глубинного времени, несмотря на сложные ассоциативные линии этой концепции. К примеру, для подзаголовка своей книги «Прорыв за пределы» («Bursting the Limits») он заимствует термин «геоистория», образующий центральную тему книги, из современных наук о Земле, где он используется как чисто геологическая категория, вопреки раннему, значительно более широкому использованию этого термина Броделем и другими историками²⁷. В сущности, книга Броделя, которая широко признана как наилучшее объяснение геоистории, даже не включена в библиографию книг Радвика на геоисторические темы. Более широкая перспектива позволяет мне исследовать не только формирование индийского представления о глубинном геологическом времени, но и *политику* глубинного времени. Таким образом, я рассматриваю, как глубинная история стала повсеместной и доминирующей темой в общем представлении о прошлом.

В-третьих, историки признали тот факт, что с появлением глубинной истории природа стала историческим ландшафтом. Радвик показал, что геологические исследования XVIII и XIX веков «наполнили землю историей»²⁸. Геологи изучали землю (ее слои, окаменелости, кратеры, горные породы и хребты) как исторический текст для понимания ее прошлого. Вибарр Криган-Рид²⁹ дает понять, что в XIX веке геология фактически заменила существовавшие антропоцентрические и нарративные формы описания древности. Поскольку глубинное время было «неописуемым» в антропоцентрических терминах, оно стало новым описанием древности³⁰.

²⁷ [Rudwick 2005: 2].

²⁸ [Rudwick 2005: 5–8].

²⁹ Вибарр Криган-Рид (р. 1969) — британский ученый-эколог, писатель и телеведущий. — *Прим. пер.*

³⁰ [Cregan-Reid 2011: 224–225].

В этой книге предполагается, что глубинное время на самом деле обеспечило новый нарратив для антропоцентрических историй, где глубокая история скал, рек и ландшафтов придала новые смысловые значения исторической древности. Как мы убедимся впоследствии, в XIX веке прежние текстуальные обращения к древности были поставлены наравне с «полевыми записками», где историческое время Турнеля смешивалось с доисторическим. Такие мифические реки, как Сарасвати, упоминания о которых встречались в индуистских, персидских и арабских текстах, были исследованы в поиске пересохших русел на равнине между Индом и Гангом. Сходным образом мифологическая армия обезьян из «Рамаяны» получила антропоморфные черты в виде доисторических рас центральной Индии.

Проще говоря, если общим направлением истории геологии было изучение земли как исторической сущности, то в этой книге изучается ассимиляция человеческой истории в окружающей среде. Прошлое — включая человеческое прошлое — выглядело более аутентичным, когда оно было вписано в глубинную историю природы, ландшафтов и экологии. Биполярный подход к экологии и материализму, наполняющий сочинения Шама и Уорстера, выглядит не таким разительным, когда мы понимаем этот процесс. К примеру, мифологическая Аркадия стала осязаемой географической сущностью «под стеклом» в Лондонском зоопарке не только из-за «псевдонатурализации» зоопарка, как полагает Шам, но и благодаря ассимиляции исторической древности в натуралистическом мировоззрении, произошедшей в XIX веке³¹.

В главе 1 представлен решающий момент возникновения нового натуралистического описания древности. Глава начинается с рытья канала Доаб в 1820-х годах и рассматривает, каким образом колониальный инженерный проект одновременно становится археологическим и геологическим предприятием. В этой книге канал является первым местом, где складывалось натуралистическое представление об истории. В ходе землекопных

³¹ [Schama 1995: 560–570].

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru